

Urban space in essays of Yuri Andrukhovych (based on the book “Lexicon of Intimate Cities”)

Tetyana Shevchenko¹

Abstract: The following article is about features of urban imaginary in essays of Yuri Andrukhovych. The object of the research is his essay collection “Lexicon of Intimate Cities”, published in 2011. Features of creating images of European, American and Ukrainian cities are analyzed based on abilities of essays as discursive practices. Conclusions are made about urban preferences of the writer and his essay mastery.

Keywords: essay; city; image; collection; practice; rhizome

Юрий Андрухович, яркий представитель эпохи к. XX – начала XXI столетия, один из первых заявил себя как эссеист в литературе нового времени. Его сборник «Дезориентация на местности», выданный в 1997 г., воспринимался многими как выход за пределы собственно писательского творчества, иные же критики увидели в этом новые грани именно прозаического совершенствования. Интерес к эссеистике возник сразу у многих авторов современной украинской литературы: О. Забужко и К. Москалец, И. Лучук и Т. Прохасько, Ю. Издрык и Е. Кононенко сегодня считают эссеистику полноценной составляющей своего художественного творчества. Но именно Ю. Андрухович задал вектор писательской раскрепощенности и художественной непосредственности, свойственные эссе как дискурсивной практике, и именно темы города, «своей территории», европейского пространства как уникального топоса стали теми объектами авторского осмысления, которые обозначили отдельный художественный дискурс современной украинской литературы (Shevchenko, 2011, p. 273). Последующие книги эссе этого писателя стали его частью: «Дьявол прячется в сыре», «Моя Европа» (совместно в А. Стасюком), «Тут похоронен Фантомас», «Лексикон интимных городов». Последнюю книгу, изданную в 2011 г., некоторые исследователи называют «романом» (Proydaikov, 2013, p. 88; Stogryn, 2017, p. 279), иные – мемуарами (Ursulenko, 2017). Мы же склонны считать эту книгу именно сборником эссе, ведь произведениям, включенным в нее, свойственны

¹ Associate Professor, PhD Candidate of Philological Sciences, Odesa I.I. Mechnikov National University, Ukraine, Address: 2, Dvoryanska St., Odesa, Ukraine, 65082, Tel.: +380679046695, Corresponding author: shtn75@ukr.net.

не так мотивы путешествия, «открытия» разных городов и стран, не так описания событий, участником которых был сам автор/нарратор, сколько осмысление увиденного, пережитого, прочувствованного («биография биографией, а написанное написанным») (Andrukhovych, 2011, p. 136). «Актуальность этого жанра подтверждается еще и тем, что простой обыватель включается в творческий процесс создания эссе спонтанно, совершенно не задумываясь об этом и не ставя себе задачу написать литературное произведение. Он просто выражает свои мысли и просто заявляет о них желаящим его услышать, делает это в оптимально доступной для себя форме» (Aymaletdinova, 2014). Вот, например, как Ю. Андрухович говорит о Румынии в эссе о Бухаресте: «Румынию нужно и следует любить за Дунай и Черное море. Это очень важно – представлять себе это дунайско-черноморское единство нашего мира. Собственно говоря, все мы принадлежим к региону, где каждая капля воды является дунайско-черноморской. И большинство этих дунайско-черноморских капель являются румынскими» (Andrukhovych, 2011, p. 59).

Итак, книга представляет собой сборник эссе о городах, которые в жизни автора сыграли ту или иную роль. Каждый город – отдельный мир, ставший частью писательского сознания, давший ему новые творческие импульсы и повод для размышлений и рассуждений разного толка. Эссе о городах интересны как индивидуально-авторскими их описаниями, так и многоликостью писательского «я», которое в каждом отдельном произведении играет новыми гранями и оттенками смыслов. Например: «Для Будапешта у меня были и более существенные причины, как, например, Дунай. Как можно было настолько долго и уперто игнорировать это город с Дунаем посередине!» (Andrukhovych, 2011, p. 58).

Принцип «открытия» и осознания города каждый раз иной, произведения лишены каких бы то ни было клише в воссоздании урбанистического пространства, автор отыскивает каждый раз новый облик описываемого топоса: встреча с интересным человеком, история, которая запомнилась, яркий урбанистический пейзаж, прочитанная книга, неожиданная деталь, вызывающая желание поговорить о ней в разных контекстах. Одни города стали настолько важной частью жизни нарратора, что им отведено весьма значительное количество страниц для описаний, построенных по ассоциативному принципу: Львов, Москва, Варшава, Берлин, Прага и т.д. Другие отложились в его сознании по касательной, оставив яркие образы и незабываемые впечатления от архитектуры, музыки, встреч с интереснейшими личностями и традициями: Одесса, Мюнхен, Эссен, Будапешт, Бухарест, Вена, Белград, Новый Сад, Стокгольм, Стамбул, Регенсбург и др. В частности, последний город у него вызывает четкие ассоциации с Дунаем, который, в свою очередь, становится основанием образа единой Европы, где все являются частью большой дружной семьи. «И именно в такой Европе мне бы хотелось

жить» (Andrukhovych, 2011, p. 376), так заканчивается эссе об этом баварском городе. Отдельные города стали лишь штрихом в сознании рассказчика-эссеиста: Енакиево, Равенна, Франкфурт-на-Одере, Ялта и др. Все это подтверждает идею того, что произведения объединены и написаны свободно, без единого принципа. Единственное, что хоть как-то формирует общность и целостность – алфавитный принцип, избранный автором.

Парадоксальность и нетривиальность – основа эссеистического метода Ю. Андруховича. Именно это снимает вопрос о том, почему Москва – «центр Империи и эпицентр ее распада одновременно» (Andrukhovych, 2011, p. 306) и почему «для Москвы самые большие проблемы создавала Москва» (Andrukhovych, 2011, p. 306). Варшава является «Серединой. Она – центр страны, в которой происходит (и ежедневно происходит) большая европейская диффузия: овостоковение Запада и озападнивание Востока» (Andrukhovych, 2011, p. 65), Одесса – город, о котором «знают во всем мире. Точнее, ничего о ней не знают, хотя и знают ее. То есть правильнее будет сказать, что про Одессу не знают, но во всем мире» (Andrukhovych, 2011, p. 330), а «Киев был местом, где я встретился с Я» (Andrukhovych, 2011, p. 228).

Итак, анализ сборника убеждает, что тексты скомпонованы и объединены по принципу ризомы. Понятие, введенное Ж. Делезом и Ф. Гваттари, стало частью постмодернистского сознания и постмодернистского дискурса как такового. Так, И. Черданцева и А. Николаева убеждены, что «ризома, основанная на принципе отрицания традиционных представлений о структуре как семантически центрированной и стабильно определенной, является маркером альтернативы замкнутым и статичным линейным структурам, предполагающим жесткую осевую ориентацию» (Cherdantseva, Nikolayenko, 2016), а Т. Фильчук называет ризому отличительной чертой постмодернистского мировоззрения: «Именно ризома является фундаментальной категорией для осмысления постмодернистского искусства, и уже непосредственно из нее вытекают такие характеристики, как фрагментарность, децентрация, изменчивость, контекстуальность, неопределенность, ирония, симуляция, которые, в свою очередь, определяют специфику постмодернистского произведения» (Filchuk, 2015, p. 159).

Именно это мы наблюдаем в книге «Лексикон интимных городов»: истории про города, достопримечательности, моря, реки, людей можно читать в любой последовательности, отыскав интересный для себя объект читательского творчества. Кроме того, эта книга может в любой момент быть дополнена, изменена, ведь путешествия продолжаются, и не прерывается желание давать им авторскую характеристику (это подтверждают и последующая книга Ю. Андруховича «Тут похоронен Фантомас», и его публикации в прессе, в блогах, его многочисленные интервью и встречи с читателями). Сам писатель считает

эту книгу недописанной, ведь еще много городов, которых нет в книге, но «очень бы хотелось» (Andrukhovych, 2011, p. 13).

Свобода – вот главная основа создания и книги в целом, и каждого пространственного образа в отдельности. Эссе «Лексикона» – открытый ряд, готовый к изменениям и дополнениям. Об этом говорит сам писатель в предисловии: «У меня есть еще один, последний совет: читайте эту книгу, как вам захочется, в совершенно свободной последовательности, открыв ее на совершенно любой странице... Речь идет все-таки о свободе – собственно говоря, ради нее я и писал все, что попадет вам на этих страницах» (Andrukhovych, 2011, p. 13).

Все пространственные образы эссе, как и книги в целом, тесно переплетены между собой в то же время могут восприниматься обособленно, однако в постоянных «связках», повторениях, дополнениях сказанного, развитии мыслей, вымолвленных ранее, и состоит главная ценность книги. Это бесконечные вариации на тему города, главным образом европейского, и его роли в сознании творческой личности. Тексты написаны живо, часто с иронией, в отдельных случаях демонстрируют имитацию спонтанности мыслей, напоминают конгломерат умозаключений, образов, символов, идей, сотканых воедино. Иными словами, они скомпонованы по принципу ризомы, строящейся на множественности смысловых конструкций, конфигураций и форм мысли о роли города в жизни современного человека. Здесь невозможно сказать, какой образ города главный, а какой нет, деление на центр и периферию отсутствует, для автора нет топосов первостепенных и второстепенных. Мысли скользят раскованно и непринужденно, перетекая из текста в текст, дополняя, видоизменяясь, создавая эффект единого полотна, состоящего из множественности смыслов, понятий, названий, персоналий, цитат, автоцитат, идей о свободе перемещения во времени и в пространстве. Поэтому часто в книге попадаются выражения типа «и снова о той же речке», «о весне я уже вспоминал», «об этом я уже писал», «это я уже перебирал в памяти», как и обращения к читателю с призывом прочитать о конкретном городе в контексте иного, вспомнить о чем-то, читая о другом, активизировать ассоциативное мышление, воспринимая авторскую информацию совершенно иного толка. Все это создает иллюзию «анти-структуры», мнимой, иллюзорной целостности, в которой все составляющие сосуществуют по законам, не объяснимым рациональными методами, напоминают ризому как качественную, а не количественную множественность, где нет «единства, которое служило бы стержнем в объекте или разделялось бы в субъекте... У множества нет ни субъекта, ни объекта, есть только определения, величины, измерения, способные расти лишь тогда, когда множество меняет свою природу» (Deleuze & Guattari, 2010, p. 14). Это объединение полиморфных составляющих, «вариаций на тему», где каждый элемент, с одной стороны, уникален своей художественной сущностью, а, с другой стороны, создает

впечатление о том, что нечто подобное уже в какой-то форме встречалось в той или иной степени, то есть напоминает корень, оборванный где-то и давший ростки снова: в обновленном качестве и со свежими идеями интерпретации вечных тем. Кроме того, совершенно невозможно определить, кто главный герой произведения: рассказчик или город, ибо чаще всего они становятся чем-то единым, дополняя и обогащая друг друга. Это совершенно неординарные отношения между субъектом и местом, о которых, в частности, говорит Эльжбета Рыбицка в контексте топографического поворота в литературных исследованиях, считая, что «топография созвучна с убеждениями о литературном и культурном воссоздании пространства» (Rybytska, 2013, p. 338). Косвенным подтверждением ризоматического характера книги Ю. Андруховича является и отсутствие содержания в издании, которое бы облегчило восприятие и понимание авторского видения карты мира. Этот факт только усиливает впечатление «системной бессистемности» книги, полностью построенной на ассоциативных связях, бесконечной множественности сюжетных линий, прерывающихся и возобновляющихся в новом качестве, отсутствии центра (в понимании нарратора, каждый город – своеобразный центр бытия в определенный промежуток времени, четко обозначенный в названии; другие же хронологические рамки определяют иные пространственные центры), наложении постоянно меняющихся смыслов, интертекстуальности и т.д. Именно поэтому в текстах эссе так много образов пространственного и хронологического единения чего-либо как своеобразной амальгамы, построенной на условности: *начало конца Венеции; Австрия – память и надежда, альфа и омега, культурный пароль и тайная столица; наслоение антикультур; трансконтинентальна элита; память, которой не хватает целостности и протяженности* и т.д.

Кроме того, нарратор активно описывает один город с помощью атрибутивных признаков, маркеров, образов другого полиса («Дюссельдорф – Венеция, почти полностью освобожденная от собственного овеществления» (Andrukhovych, 2011, p. 142), «Маленькая Вена – это Черновцы» (Andrukhovych, 2011, p. 279), «Львов – анти-Венеция» (Andrukhovych, 2011, p. 279), «если Рим – это вечное место, то Киев – это вечное тесто» (Andrukhovych, 2011, p. 232); «Львов, кстати, не так далеко от Лейпцига, ибо оба они считаются маленькими парижанами» (Andrukhovych, 2011, p. 11). Возможно и сравнение города с целой страной: «Мюнхен – это начало Италии» (Andrukhovych, 2011, p. 317), «Мексика – совсем не Латинская Америка, а плохая копия США» (Andrukhovych, 2011, p. 113). Города становятся дефиницией абстрактных понятий («Польскость – это Краков конца мая 1989 року» (Andrukhovych, 2011, p. 237), описываются через личности («Читать Шульца – это распознавать какой-то Большой (более глубокий? тайный? представляемый?) Дрогобыч» (Andrukhovych, 2011, p. 136) и наоборот («Шевченко называл Петербург “финским болотом”» (Andrukhovych, 2011, p. 247) и т.д.

В книге четко прослеживается наложение дискурсов (дескриптивного, художественного, геопоэтического, топографического, геокритического, поэтографического, публицистического, философского, космополитического, культурологического). Как в отдельном эссе, так и в книге в целом писатель активно использует возможности слова, формирующие ризомное пространство произведений: иронический подтекст («в нем [городе] было ужасно ужасно» (Andrukhovych, 2011, р. 21)), каламбур («Румыния – это главным образом Карпаты, это страна Карпатия» (Andrukhovych, 2011, р. 60)), игру слов («Во Львове Полтва. В Полтаве Лтава. В Праге Влтава. Это так, как будто одна речка» (Andrukhovych, 2011, р. 361)), активное использование вставленных конструкций в скобках («мы (я про поколение) выросли в тотальных недостатках, и наша юность – книги, фильмы, картины и, главное, музыка – какую мы себе выбирали, привила нам привычку добровольного отказа от материального» (Andrukhovych, 2011, р. 314)), чередование безбазного синтаксиса и «рубанного», потока сознания и номинативных предложений, стихов и прозы, украинской речи и немецкой (как вариант – польской, английской и др.), афоризмов и комментариев к ним, в отдельных случаях претендующих на то, чтобы стать новыми крылатыми выражениями, например, вот таких: «Во Львове нет Дуная, но его близость иногда чувствуешь очень обостренно» (Andrukhovych, 2011, р. 325) или «Европа восточной не бывает» (Andrukhovych, 2011, р. 184).

Известно, что ризома состоит из множественностей, сосуществующих с другими множественностями, которые Ж. Делез и Ф. Гваттари называют плато: их можно читать с любого места и легко менять местами. При этом перестановка не мешает смыслу понимаемого. Это происходит потому, что каждый элемент ризомы переплетается с другим, а они, в свою очередь, тесно переплетены между собой, но не фиксируются в четкой последовательности. Ж. Дельоз и Ф. Гваттари пишут, что свойство плато – деление на меньшие плато. Они даже называют свой научный труд таким, который весь сотканный из плато, какими для них были отдельные слова.

Сборник «Лексикон интимных городов» полностью соткан из плато, которые можно членить по-разному. Так, отдельными плато могут быть все 111 эссе о городах, каждый из которых в каких-то деталях, подробностях прочитывается в других текстах. С другой стороны, можно выделить как отдельные плато европейские города, американские и азиатские, правда, первым посвящена львиная доля книги. Однако, по нашему мнению, более правильно выделить плато как концентрацию мыслей, идей, авторских убеждений, ведь в этих текстах главное не описание, а мнение, не факты, а их интерпретация, не детали, а качество концентрации художественных идей и образов. Итак, книга соткана из таких главных плато (т. е. сгустков мыслей, которые часто развиваются и видоизменяются, прерываясь, восстанавливаются в новом качестве, неся новые импульсы представлений и соображений по поводу):

Город – важная часть жизни современного человека, открывающая ему новые возможности и, вместе с тем, становящаяся местом его всевозможных испытаний.

Европейское пространство уникально своей идентичностью, традициями, историей, культурой, однако все это требует личного принятия/непринятия.

«Своя территория» – это место, дающее современному человеку возможности максимального саморазвития и психологического комфорта. Для рассказчика это большинство европейских городов, как и родные украинские: Львов, Тернополь, Ужгород.

Все города имеют как много общего, так и каждый неповторим по-своему. Их отличают реки, архитектура, традиции, истории, люди, рассказы из прошлого и современного и др. В частности, в книге постоянно повторяются идеи европейского единства, олицетворяемого рекой Дунай, соединяющей страны, города, прошлое и настоящее, культуры большей части Европы. В то же время, не редкими являются мотивы лабиринта и поисков выхода из него, воплощающие идеи самоопределения современного украинца в своих геоэтических/политических/культурных/топографических поисках.

На страницах эссе о городах получают новое развитие литературные персонажи Ю. Андруховича из романов «Московиада», «Рекреации», «Перверсия», «Тайна». Они обретают «вторую жизнь» в «Лексиконе интимных городов» в новом качестве. Так, Станислав Перфецкий, герой «Перверсии», продолжает «путешествовать» по Венеции («Венеция, 1992, 2001»), а Отто Ф. снова блуждает подземными лабиринтами Москвы («Москва, 1989-91»), дополняя образ российской столицы, когда-то воссозданный в «Московиаде».

Город рождает совершенно новые возможности его художественного осмысления, ибо его важными составляющими становятся этнические, этические, геополитические аспекты, а они, в свою очередь, невозможны без транскультурного, интертекстуального, глобализационного дискурсов.

Интересно, что названные плато могут существовать в одном произведении. Все они прочитываются, например, в эссе о Львове, Варшаве, Нью-Йорке, Москве, Киеве. Плато не связаны линейно, но получают развитие в других произведениях книги, то есть связаны по принципу ризомы, ибо ей свойственна незначимость разрыва, так как она может сломаться и восстановится в другом месте сборника. Эссе книги характеризуются

неожиданностью поворотов мысли, частыми переходами од одной мини-истории к другой, быстрой сменой описаний (город/человек как его часть, передний/задний планы, урбанистический пейзаж/природа, деталь/панорама, проза/стихи и т. д.), свободными временными прыжками, что приводит к мозаичности как важной составляющей текстов. Многие произведения напоминают импрессионистические зарисовки, ибо большинство деталей в них очерчено пунктирно, без подробностей. Во многих описательный момент сведен до минимума, уступив место исключительно рассуждениям.

Итак, урбанистическое пространство в книге Ю. Андруховича «Лексикон интимных городов» воссоздается по принципу ризомы как наслоения дискурсов и трансформации одной семиотической системы в другую. Именно этот принцип открывает ключ к пониманию города как важной части существования творческой личности прошлого и настоящего, а дискурсивная практика эссе открывает новые горизонты этого, становясь платформой выражения мировоззренческих убеждений писателя.

References

- Aymaletdinova, L. (2014). Essay as a literary genre and a special form of philosophy/Эссе как литературный жанр и особая форма философствования//Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2014. № 12. Опубликовано 26.11.2014. Access Mode: <http://jurnal.org/articles/2014/filos24.html>
- Andrukhoivych, Yu. (2011). *Lexicon of Intimate Cities. A Handbook on Geopoetics and Cosmopolitanism/Лексикон інтимних міст. Довільний посібник з геопоетики та космополітики*. Київ: Meridian Czernowitz, Майстер книг. 480 с.
- Deleuze, G. & Guattari, F. (2010). *Capitalism and schizophrenia. A thousand plateaus/Капіталізм и шизофренія*. Тысяча плато. Екатеринбург: У-Фактория. 2010. 895 с.
- Proydakov, A. (2013). *Features of urbanistic text in Y. Andrukovich's novel The Lexicon of Intimate Cities/Особливості урбаністичного тексту у романі «Лексикон інтимних міст» Юрія Андруховича//Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка № 22 (281.) Ч. II. 2013.*
- Rybytska, Elzbieta (2013). *From the poetics of space to the politics of space. Topographic Turn in Literary Studies/Bіd поетики простору до політики місця*. Топографічний поворот у літературних дослідженнях//Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. 2013. №7.
- Filchuk, T. (2015). Rhizome as a way of creating a postmodernist text (based on T. Tolstoy's narration)/Ризома как прием создания постмодернистского текста (на материале рассказов Т. Толстой)//Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія «Філологія». № 1152. Вип. 72.
- Shevchenko, T. (2011). *Image of one's territory as a conceptual method of expressing the world view in essays of Y. Andrukovich/Образ «своєї території» як концептуальний засіб вираження світобачення в есеїстиці Ю. Андруховича//Проблеми сучасного літературознавства*. № 15.
- Stogryn, M. (2017). *Memory Motive as a main plot code in Y. Andrukovich's novel The Lexicon of Intimate Cities/Мотив пам'яті як головний код сюжету роману Ю. Андруховича «Лексикон*

інтимних міст»//Науковий вісник МНУ імені В. О. Сухомлинського. Філологічні науки (літературознавство. № 2(20).

Cherdantseva, I. & Nikolayenko, A. (2016). *Rizomatics as the main attribute of fashion in the postmodern era/Ризоматичность как основной атрибутивный признак моды эпохи постмодерна//Философские дескрипты. Вып 15.* Опубликовано 05.25.2016. Access Mode: <http://www.philosophicaldescript.ru/?q=node/73>.

Ursulenko, A. (2017). *Memory figures in Y. Andrukhovych's prose/Фігури пам'яті у прозі Юрія Андруховича.* Опубликовано 29.06.2017. Access Mode: https://apd.uni.wroc.pl/diplomas/24122/?_s=1.